

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЯ

А. П. Седых
Л. Р. Ермакова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru

Статья посвящена корреляциям языкового и густативного континуума в русле лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений. Язык и национальная гастрономия рассматриваются как определённый тип языковой идентификации, функционирующий в рамках специфических способов обмена коммуникативной информацией. Универсальные и национально-культурные способы вербализации гастрономических реалий соотносятся с определённым типом категоризации действительности. Перспективы исследования способов вербализации густативных предпочтений видятся в рамках когнитивно-коммуникативных методик выявления сенсорных параметров языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая и гастрономическая картины мира, гастрономическая метафора, языковая личность, семиотика когнитивной и коммуникации.

Введение

Современные научные парадигмы филологии активно используют не только антропоцентрический, но и этноцентрический подход к анализу языковых явлений. В связи с этим языковая семантика осмысливается в рамках корреляций между системой концептуальных связей и категоризацией объективно существующих предметов и явлений сквозь призму национального менталитета и национальной культуры.

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является поиск смысловых и языковых доминант национальных культур с целью моделирования языковой картины мира и построения алгоритма коммуникации конкретной лингвокультуры. Языковая картина мира и национальная гастрономия имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения.

Как известно, термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) был введен в науку Лео Вайсгербером (1899 – 1985), но восходит данный термин к мыслям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и далее – к идеям американской этнолингвистики и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно данной доктрине, языковая картина мира в общих чертах представляет собой «систему анализа окружающего мира» [9, с. 190]. Следующие выдержки из трудов Э. Сепира, на наш взгляд, очень точно характеризуют данное понятие, хотя прямо и не называют его: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершённая система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой» [8, с. 252]; «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» [там же, 254]; «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [там же, с. 255]. Как видим, образная, подсознательная, почти математическая составляющая данного понятия находится на уровне объективно происходящих в сознании человека процессов и является самодовлеющей сущностью.

Теория и методология исследования

В отечественной науке данный термин находится на стадии разработки и определения эпистемологических и методологических границ его использования. Так, Ю. Л. Воротников пишет: «Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?» [3].

Важным для нашего исследования представляется определение, данное Ю. Д. Апресяном: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая называется в качест-

ве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [6].

Мы разделяем мысль большинства отечественных филологов о том, что языковая картина мира дает представителю каждой лингвокультуры апробированную и закреплённую в слове «концептуальную конфигурацию» [5], которая определяет семантические приоритеты высказывания.

Языковая картина мира непосредственным образом связана с национальной спецификой слова, которую, по мнению Н. Ф. Алефиренко, определяют два фактора: объективный и субъективный: «выделяются они путём сопоставления языков. Под объективным фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. Субъективный фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ» [1, с. 68 – 69].

Окружающий мир опосредуется в языке, человек же оперирует представлениями, репрезентациями, когнитивными образами, моделями, поставляемыми национальным языком. Следовательно, понятие «языковая картина мира» связано с определенным типом концептуализации действительности, формируемым языковыми структурами в процессе коммуникации. В нашем случае речь идёт о гастрономической языковой картине мира.

Е. Добренко употребляет термин «кулинарная картина мира» [4]. Мы считаем, что более точным является термин «гастрономическая картина мира», который трактуется следующим образом: *концептуальная модель гастрономических пристрастий и глоттонических приоритетов, отражающаяся в специфике национальной номинации продуктов питания*. Ясно, что данная дефиниция не отражает всеобъемлющих характеристик рассматриваемого феномена и поэтому может рассматриваться как рабочее определение, релевантное для исследовательских задач исследования.

Центральной фигурой языковой картины мира, в частности гастрономической, выступает человек, так как, с одной стороны, именно он является источником гастрономического дискурса. С другой стороны, сам язык часто использует в качестве базовых признаков «человеческие» качества для наименования, например, вкусовых или композиционных свойств пищевых продуктов (*душевный борщ*; *café allongé* – букв. ‘лежащий кофе’ = некрепкий кофе с большим количеством воды; *The European* – букв. ‘европеец’ = коктейль, состоящий из 1/3 русской водки и французского вина; *honest food* – букв. ‘честная пища’ = *simple, unpretentious, and unsophisticated, with no gimmicks* (простая, скромная и незамысловатая, без ухищрений)).

Гастрономия и языковая картина мира коррелируют прежде всего на уровне номинативного фонда национальных языков. Именно специфика глоттонической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа. Данное явление со всей очевидностью прослеживается, например, на уровне мотивированных прагматонимов, обозначающих значимые для национальных культур продукты потребления: русск. шоколад «Перезвон», «Покров», «Русь-тройка», пиво «Царь-пушка», шоколад «Со Светлой Пасхой!», водка «С легким паром!», «Поехали!»; англ. курица «*Poularde Edouard VII*» – букв. ‘Пулярка Эдуард VII’, чай «*Earl Grey Tea*» – букв. ‘Чай Седой Граф’, пудинги «*Humboldt Pudding*» – букв. ‘Пудинг Гумбольда’, «*Yorkshire Pudding*» – букв. ‘Йоркширский Пудинг’, яблоки «*Lord Lambourne Apple*» – букв. ‘Яблоко Лорда Ламбурне’, «*Lord Nelson Apple*» – букв. ‘Яблоко Лорда Нельсона’.

Данный тип номинации является, очевидно, наиболее продуктивным, во всяком случае для русского языка, так как рассматривается национальным потребителем как символ аутентичности и единения, а также своеобразного «подтверждения» существования национальной идентичности, неотъемлемой частью которой является национальный характер.

Специфической чертой гастрономической языковой картины мира выступает также наличие в языке номинаций самого процесса и времени потребления пищи или напитков. У русских это *завтрак, обед, ужин* (для детей полдник). Общее название для потребления пищи – *еда*. Для русского существует термин *закуска*, который в одной из своих современных «ипостасей» обозначает некоторое количество пищи, принимаемое после употребления спиртного напитка. Исторически данный термин обладал более широкой семантикой и обозначал «холодные кушанья для лёгкой еды» [2, с. 735].

Для англичан актуальны номинации *breakfast, lunch and supper (or dinner)* – букв. ‘завтрак, второй завтрак и ужин (или обед)’. Общее название для потребления пищи – *meal*. В от-

личие от *meal*, термин *snack* (букв. 'закуска') относится к съедаемым / съеденным продуктам между приемами пищи. Для специальных случаев приёма пищи служат наименования *feasts* (букв. 'пиры', празднества) или *banquets* (букв. 'банкеты, званые ужины'). Для принятия пищи из нескольких блюд, блюда, как правило, называются в соответствии с хронологией их подачи. В английском языке это первая подача, которая называется *appetizer* (букв. 'закуска' (кушанье, подаваемое перед горячими блюдами = *starter* or *hors d'oeuvre*)), затем основное блюдо (*entrée*), и, наконец, десерт (*dessert*). Хотя многие английские кулинарные термины заимствованы из французского, как правило, заимствования претерпевают небольшие семантические сдвиги. То же самое произошло и со словом *entrée*. Традиционные французские официальные обеды обычно состояли из пяти блюд: сначала *the hors d'oeuvre* – закуска (букв. 'вне работы', часто *a soup – суп* или *pâté – нахнем*); затем *entrée* – основное блюдо, как правило, из рыбы; далее *the plat principal (plat de résistance, pièce de résistance)* – главное блюдо; затем *fromage (cheese)* – сыр; и, наконец, *dessert* – десерт.

К гастрономической составляющей языковой картины мира можно также отнести специфику наименований специалистов по приготовлению и способов приготовления пищи: русск. *повар, кок, кашевар, кухмистер, шеф-повар, кулинар, уст. кухарь, разг. стряпуха, кухарка*; англ. *baker* – пекарь, булочник; *chef* – шеф-повар; *culinarian* – кулинар; *hash slinger* – бармен; *servant* – прислуга, слуга; *souse chef* – шеф-повар по засолке продуктов питания.

Синонимический ряд лексемы «готовить пищу» следующий: русск. *стряпать, готовить, прот. кухарничать*; (способы приготовления) *варить, жарить, парить*. Вот как тщательно и «лингвистически» описывает В. В. Похлёбкин в своей книге «Занимательная кулинария» глаголы разных способов обработки пищи: «В русском языке для обозначения разных способов нагрева пищи употребляется десяток глаголов: парить, отваривать, варить, припускать, запекать, печь, жарить, пряжить, тушить, томить, но и они еще не полностью выражают все многообразие способов, степеней и приемов нагрева пищи. Поэтому кулинарам приходится заимствовать дополнительные термины из других языков, большей частью и французского. Так, например, в русский профессиональный кулинарный язык вошли слова «бланшировать», «пассеровать», «грилировать», «брезировать», «фламбировать» для обозначения тех степеней и способов приготовления с помощью огня, которые не имеют соответствующего определения в русском языке».

Но и такое заимствование в большинстве случаев оказывается недостаточным – для точного обозначения всех нюансов тепловой обработки одних лишь глаголов не хватает. Приходится употреблять их в сочетании с различными приставками и с дополнительными существительными, составлять целые выражения, группы слов, обозначающие то или иное действие, например, «отварить на пару, в паровой или водяной бане», «запечь в вольном духу», «запечь в фольге», «выпечь в манти-каскане», «поджарить на гратаре», «обжарить во фритюре». Обычно эти выражения употребляются для описания таких промежуточных степеней нагрева, которые менее грубы и менее резки, чем те, которые обозначаются одними глаголами. Поэтому такие термины всегда включают указания на источники нагрева или на специфическую посуду и среду, с помощью которых нагрев в значительной степени может быть нюансирован» [7, с. 18].

Как видим, русские наименования термической обработки пищи представляют собой причудливую смесь заимствований и словосочетаний, отсылающих к предметам кухонной утвари. Данный факт манифестирует внимательное отношение русских к процедуре обработки пищи как к результату кулинарного искусства.

В английском языке *to cook* (готовить пищу) номинируется следующими языковыми единицами: *french fry* – жарить по-французски; *bake* – печь, запекать; *barbecue* – жарить мясо над решёткой; *blanch* – бланшировать; *boil* – отваривать; *braise* – тушить; *brew* – варить (пиво), заваривать (чай); *broil* – жарить на огне; *brown* – подрумянивать; *burn* – сильно жарить; *coddle* – обваривать кипятком; *curry* – готовить блюда с кэрри; *decoct* – готовить отвар, настаивать; *deep fry* – глубоко жарить; *devil* – готовить острое мясное или рыбное блюдо; (*мор. жарг*) *doctor* – фальсифицировать пищу, вино; *escallop* – запекать (устрицы) в раковине; *fix* – загушать; *fricassee* – приготавливать фрикасе; *fry* – жарить; *griddle* – приготавливать на сковороде с ручкой; *grill* – жарить на рашпере, гриле; *heat* – разогреть; *imbue* – пропитывать; *melt* – растапливать; *microwave* – подвергать обработке микроволнами; *mull* – подогревать вино с пряностями; *panfry* – жарить на сковороде; *parboil* – слегка отваривать; *parch* – слегка поджаривать, подсушивать; *percolate* – процеживать, фильтровать; *poach* – варить (яйца) без скорлупы в кипятке; *pressure-cook* – приготавливать в скороварке; *reduce* – восстанавливать; *roast* – жарить; *ruin* – испортить; *scald* – ошпаривать, пастеризовать; *scorch* – опалить; *sear* – прижигать, опалить; *seethe* – кипятить; *simmer* – кипятить на медленном огне;

sizzle – обжигать, жарить до шипения; *spoil* – испортить, портиться (о продуктах); *steam* – варить на пару; *steep* – пропитывать; *stew* – тушить; *toast* – поджаривать, подрумянивать на огне; *warm up* – разогревать; *concoct* – стряпать; *cook* – готовить пищу; *infuse* – заваривать, настаивать (чай, травы); *soak* – вымачивать, пропитывать (пер. автора) [10].

Важным элементом языковой картины гастрономии выступает тропный и паремический фонд национальной лингвокультуры. Так, тематический потенциал образных выражений в различных языках отражает специфику глуттонического мира нации. В русском языке это: *тёртый калач; хлебнуть огурчика; кухонная демократия; Несолоно хлебавши; Не красна изба углами, а красна пирогами; Я не видал, как ты ел, покажи (говор, хозяин); Душа милее ковши; Ковши беды ладит; Много пива крепкого, меду сладкого, вина зеленого, всего не приеешь, не выпьешь*. В английском языке: *to bring home the bacon* (добиться успеха); *to cook someone's goose* (расправиться с кем-либо, погубить кого-либо); *in the soup* (в затруднении, в беде); *Good talk saves the food* (≈ За хорошей беседой и еда хороша); *God gives every bird its food* (≈ Бог даёт пищу каждому); *Eyes are bigger than your belly* (букв. 'Глаза больше, чем живот' ≈ есть глазами); *I'll put the kettle on (Let me make You a cup of tea)* (букв. 'Поставлю чайник (Позвольте предложить Вам чашечку чая)'); *Do you want a brew?(Do you want some tea?)* (букв. 'Хотите я заварю чай? (Хотите чаю?)').

Глуттоническая метафора служит для образного обозначения различных форм и объектов человеческого существования:

1. Секса: «*I want a little sugar/in my bowl/I want a little sweetness/down in my soul/I could stand some lovin'/Oh so bad/I feel so funny and I feel so sad*» ≈ «Хочу немного сахара/в мою чашку/Хочу немного любви/в моей душе/О, мне так плохо/Я чувствую себя так странно и печально» (пер. автора) («*I Want A Little Sugar In My Bowl*», Nina Simone); «*Squeeze me, babe, till the juice runs down my leg/Do, squeeze, squeeze me, baby, until the juice runs down my leg/The way you squeeze my lemon/I'm gonna fall right outta bed*» ≈ «Сожми меня, детка, да так, чтобы сок потёк по моим ногам/Давай же, сожми меня, детка, чтобы сок потёк по моим ногам/Как ты сжимаешь лимон/Я хочу свалиться с кровати» (пер. автора) («*The Lemon Song*», Led Zeppelin);
2. Привлекательной женщины: *конфетка; cheesecake* ('творожный пудинг, сладкая ватрушка'); *tart* ('фруктовое пирожное'); *lollipop* ('леденец на палочке'); *peach* ('персик');
3. Привлекательного мужчины: *woman's crumpet* ('женский оладушек'); любимец женщин; секс-символ;
4. Человека, парня: *крендель; перец; кекс;*
5. Ментальных качеств человека: *ни рыба, ни мясо; деловая колбаса.*

Заключение

Все уровни языковой и дискурсивной организации (лексика, синтаксис, лексикография, фразеологический фонд, паремия, афористика, художественный текст) в рамках глуттонической тематики обладают семиотическим потенциалом для моделирования черт национального характера. Изучение источников по кулинарному искусству позволяет говорить о важной роли гастрономической перцепции, в составе которой функционирует базовый этнокультурный вектор.

Динамическое взаимопроникновение языковой гастрономии и языковой картины мира проявляется в национальной психологии и чертах характера носителей языка. Языковая картина мира и гастрономия находятся в динамическом взаимодействии и являются неотъемлемыми составляющими национальной культуры. При этом номинанты глуттонических явлений отражают отношение носителей языка к этим явлениям. В данном типе отношений проявляются не только исторически сложившиеся признаки гастрономии, но и национальная психология, национальный характер. Психология народа в большой степени строится на базе основополагающих архетипов, которые в сфере культуры питания способствуют формированию вкусового пейзажа нации, её кулинарного репертуара и рецептуры. Так, француз или англичанин спокойно себя чувствует без чёрного хлеба, тогда как японец или мадагаскарец и дня прожить не может без риса.

Языковые явления изучаются с точки зрения не только антропоцентрического, но и этноцентрического подхода. Языковая картина мира и национальная гастрономия связаны между собой системой категориальных связей, обусловленных национальным мировоззрением. В этом смысле можно говорить о гастрономической языковой картине мира для каждой отдельно взятой лингвокультуры. Важной составляющей языковой картины мира является глуттоническая метафора, раскрывающая существенные стороны национального менталитета.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Бархударов С. Г. Словарь русского языка: в 4 т. / С. Г. Бархударов ; Акад. Наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961. – 4 тт.
3. Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия [Электронный ресурс] / Ю. Л. Воротников // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал / Моск. гуманитар. ун-т, Рос. гуманитар. науч. центр. – М., 2006 – 2010. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/>.
4. Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое [Электронный ресурс] / Е. Добренко // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 2. – С. 155 – 173. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9-pr.html>.
5. Зализняк А. А., Шмелёв А. Д. Время суток и виды деятельности // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 42 – 43.
6. Новый большой англо-русский словарь [Электронный ресурс] / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой // Словари для Lingvo / авт. сайта И. Александров. – М., 2004 – 2010. – Режим доступа: http://traduko.lib.ru/en_ru_apresyan.html.
7. Похлебкин В. В. Занимательная кулинария: советы и рекомендации всемир. извест. кулинара / В. В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2003. – 236 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 654 с.
9. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / В. А. Звегинцев. – М., 1964 – 1965. – Ч. II. – М., 1965. – С. 255 – 281.
10. Dictionary.com, LLC. Copyright © 2012: URL: <http://thesaurus.com/browse/cook>.

LINGUISTIC WORLD VIEW AND NATIONAL GASTRONOMY

A. P. Sedykh
L. R. Ermakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of to the correlations of linguistic and gustative continuum in line with linguistic and cultural approach to the analysis of linguistic phenomena. Language and national gastronomy are considered as a certain type of language identity, functioning in specific communicative ways of information exchange. Universal and ethnocultural ways of gastronomic’s verbalizing are related to the specific type of categorization of reality. Prospects for research of gustative’s verbalizing preferences are seen as part of cognitive-communication techniques to identify sensory parameters of linguistic identity.

Keywords: lingual culture, linguistic and gastronomic world view, linguistic identity, gastronomic metaphor, linguistic identity, semiotics, cognition and communication.